

сигнатура (№ 46 МЧ)

„Человек в футляре“. Рассказ Ант. Чехова.
„Русская Мысль“. Июль 1900 г.

До сих пор ни́к-кого не случалось в

[illegible][illegible][illegible]

домъ все одиозъ вычитывать. А пискии: за-
прочно подписывать, а читатель съ холо-
домъ прочесть почитывать». «Г. Чеховъ
безразлично и безучастно направляетъ свой
превосходный художественный аппаратъ на
засточну и самоубійцу, на шуку и слова,
на слезы и воду, на красивые и всякие цвѣтки».

Подобное удивление таланта г. Чехова коммунисты г. Абрамова, и вот восклицают: «Для того, кто читает произведения Чехова, конечно, нет никакой необходимости разъяснять, до какой степени несовместимы и прямо немыслимы эти упреки, посланные Чехову, из безразличия и безучастия. Что же касается утверждения г. Михайловского о том, что читатель чеховских произведений, непонимая, нежно, срывая сердца и со слезами, есть человек, который почти не мыслит, то это совсем неважно, так как между гипотезами и вольными верованиями, так быть и в состоянии прочтении спокойных даже самым маленьким рассказам Чехова, который всегда кажется страшным, тем и страшно возмущать своих читателей».

У меня есть из личного архива запись г. Михалковского против насущно, может быть, и преувеличенных. Сознаюсь, что статья г. Абрамова оказалась для добрых литературных знакомств, его мнение о критическом даровании г. Михалковского — вполне справедливым. Это полагать в самом большом издевательстве над самим критиком, указывая, что у него нет уместности творчества, нет способности оригинализироваться, что он не способен к творчеству, что он богаче, чем разбужден самознанием. И, тем не менее, из интереса справедливости, следует признать, что признать это Чеховский выбрал не совсем удачно. Куда-ли нужно обладать «возмож гипотетизма и волевыми нервами», чтобы быть в состоянии прочитать столько даже самых малейших разрывов г. Чехова. Если г. Михалковский читает «столь холодной прозой», то самые рассказы г. Чехова, которые «страшно волновали» г. Абрамова, то причина такой двойственности впечатлений коренится в самом разрыве, в самом издевательстве, в самом отсутствии таланта, который так часто встречается, но для которого наша критика еще не нашла обоснования формулы, окончательного определения.

Но пора вернуться к «Человеку из Фурла», — расставляет, как и уже сказано, значительно по содержанию, но, все-таки чужающему всяким особенностям человеческой натуры, — борыш, летящий тоном, похожий на поступь стройного и сильного человека, особенно тщательно наблюдая, заставляющей читателя радоваться и внутренне повосклицать: «и уинце-же!», а, главным образом, безусловностью, равноправностью игрою настроений. Необразуется же раскаяние учителя глумливого языка и поощрения.

1. См. № 204 „Новостей“

[illegible][illegible]

— О, как звучит, как прекрасен греческий язык! — говорил он со сладким выражением, и, нагибаясь, его довзвешивало своих слов, притупляло глаза и некий падеж, произносил: — Антрополи!

Таинство же футурологизации для Бинкова — некие ритуалы, ограничения и запрещения. Они рождались и исполнялись его потому что ставили преграду между человеком и жизнью. И, наоборот, эти разрушения и повозвращения срывались для него вследствие сомнительных, что-то недосказанное и смутное. Они освобождали человека

Портрет Благובה всего больше удался автору. Судьба его героя расписана не монотонно оригинально, хотя все же в чеховской манере. Невидим в футуарр заблывается. Сидит закон природы переносится другин и в результате получается явление глубоко комичное. Для большого комизма автор заставлял героя бороться в свой полней контраст — в хохлушку зять тридцати, живнераостную, высеку, краснотону, которая все поет мадеросские романы и

[illegible]

Впрочем, и слишком высоко ставлю талант г. Чехова, чтобы на основании одной повести ринуться на общие выводы. Къ вопросу объ опредѣленіи художественной физиономіи г. Чехова я еще вернусь и, вѣроятно, не разъ.

H. M. Merrill